

ТАВРИЧЕСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВЪДОМОСТИ

Подписка
принимается
въ редакціи
Епарх. Вѣд.
въ Симфер.
Духовной Се-
минаріи.

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

№ 10.

15 Мая 1893 года.

Цѣна
за годовое
изданіе съ
пересылкою
и безъ
пересылки
5 рублей.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

I.

Выписка изъ журнала Таврическаго попечительства о
бѣдныхъ духовнаго званія.

а) Определеніемъ попечительства, утвержденнымъ Его
Преосвященствомъ, 17 Апрѣля 1893 года за № 1524, надъ
малолѣтнимъ сиротою умершаго священника Николая Ши-
ряева.—Владиміромъ—3-хъ лѣтъ и принадлежащимъ ему
имуществомъ учреждена опека и опекуншею утверждена
вдова покойнаго Наталія Михайлова Ширяева.

б) Определеніемъ попечительства, утвержденнымъ Его
Преосвященствомъ 17 Апрѣля 1893 года за № 1526, надъ
малолѣтнимъ сиротою умершаго священника Іоанна Дейне-

ги-Андреемъ и имуществомъ учреждена опека и опекуншею утверждена вдова покойнаго Анна Андреева Дейнега, она-же назначена попечительницею надъ несовершеннолѣтнею дочерью ея Ольгою.

II.

ПРИЕМЪ ВОСПИТАННИКОВЪ

въ Кіевскую духовную Академію.

Отъ Совѣта Кіевской духовной Академіи объявляется:

1) Съ 16 августа сего 1893 г. въ Кіевской духовной Академіи, для образованія новаго курса въ ней, имѣтъ быть приемъ воспитанниковъ.

2) Для повѣрочнаго приѣмнаго испытанія Совѣтомъ Академіи назначены слѣдующіе предметы: сваяц. писаніе новаго зав. (для окончившихъ курсъ въ гимназіи—правосл. христіанскій катехизисъ), древняя общая церковная исторія, словесность съ исторіей русской литературы и два древніе языка—греческій и латинскій; кромѣ того, подвергающіеся испытанію должны написать три сочиненія на данныя темы, изъ которыхъ одна богословскаго содержанія, другая—историческаго и третья—литературнаго.

3) Испытаніе будетъ производимо въ предѣлахъ семинарскаго или гимназическаго курса, сообразно съ тѣмъ, принадлежитъ ли испытуемый къ воспитанникамъ семинаріи или гимназіи.

4) Желающіе подвергнуться повѣрочнымъ приѣмнымъ испытаніямъ должны имѣть въ аттестатахъ по поведенію баллъ 5.

5) Свободныхъ вакансій казеннокоштныхъ для I курса, согласно штату, имѣется 30, изъ которыхъ на 25 вакансій вызываются семинарскіе воспитанники по назначенію начальства, а 5 вакансій предназначены для тѣхъ волонтеровъ, которые болѣе удовлетворительно сдадутъ повѣрочный экзамень.

6) Порядокъ и условія приѣма воспитанниковъ въ Академію опредѣлены въ особыхъ правилахъ, изъ коихъ для свѣдѣнія приводятся слѣдующіе §§:

§ 1) Въ студенты Академіи принимаются лица всѣхъ состояній православнаго исповѣданія, съ полнымъ успѣхомъ окончившіе курсъ духовной семинаріи или полной (съ двумя древними языками) классической гимназіи.

§ 2) Женатыя лица въ число студентовъ Академіи не принимаются.

§ 3) Просьбы о приѣмѣ въ студенты Академіи подаются волонтерами на имя ректора Академіи до 15 Августа. Каждый изъ нихъ долженъ имѣть при себѣ билетъ на проѣздъ въ г. Кіевъ.

§ 4) Къ прошенію о приѣмѣ въ студенты должны быть приложены слѣдующіе документы: а) семинарскій или гимназическій аттестатъ; б) метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи; в) свидѣтельство о явкѣ къ исполненію воинской повинности или свидѣтельство о припискѣ къ призывному участку по отбыванію сей повинности; г) документъ о состояніи, къ которому принадлежит проситель по своему званію, если онъ не духовнаго происхожденія. Лица податнаго сословія обязаны сверхъ того представить свидѣтельства объ увольненіи ихъ обществами на законномъ основаніи.

Примѣчаніе. Семинарскія Правленія также до 15 Августа высылаютъ документы назначенныхъ ими въ Академію воспитанниковъ, которые обязаны сами явиться въ оную 14 Августа.

§ 5) Поступающіе въ Академію по прошествіи одного или нѣсколькихъ годовъ по выходѣ изъ учебнаго заведенія должны представить свидѣтельство о благонадежности отъ того начальства, въ вѣдѣніи котораго состояли.

§ 6) Всѣ воспитанники, какъ присланные въ Академію по распоряженію начальства, такъ и поступающіе по собственному прошенію, подвергаются повѣрочному испытанію въ особыхъ, назначаемыхъ для этого Совѣтомъ, комиссіяхъ и принимаются въ студенты по успѣшномъ выдержаніи въ Академіи повѣрочнаго испытанія.

§ 7) Изъ числа подвергавшихся повѣрочному испытанію, какъ по назначенію семинарскихъ начальствъ, такъ и по прошеніямъ, выдержавшіе оное удовлетворительно принимаются: лучшіе—казеннокоштными студентами съ подпискою прослужить обязательный срокъ по духовно-учебному вѣдомству согласно 160 и 161 §§ уст. дух. акад., а остальные—своекоштными (§ 112), число коихъ опредѣляется вмѣстительностію академическихъ зданій, со взносомъ 210 руб. въ годъ, или по 105 р. въ Сентябрѣ и Январѣ за каждое полугодіе; не удовлетворившіе этому требованію въ теченіи мѣсяца увольняются изъ Академіи (§§ 150 и 151).

III.

ПОПРАВКА.

Въ списокъ членовъ эмеритальной кассы духовенства Таврической епархіи, напечатанномъ въ № 6 Тавр. Епарх. Вѣдомостей, должны быть сдѣланы слѣдующія исправленія:

1) № 29 Балабаненко Іаковъ Павловъ діаконъ въ итогѣ напечатано 5 р., должно быть 15 р.

2) № 68 Брянцевъ Алексѣй Алексѣевъ священникъ въ итогѣ напечатано 36 р., должно быть 11 р.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ
ТАВРИЧЕСКИХЪ
ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

№ 10.

15-го Мая 1893 года.

№ 10.

Кончина Праведника.

Въ Журналѣ „Воскресенье“, въ №№ 13—14 за текущей 1893 годъ помѣщена превосходная статья съ выше-помѣченнымъ заглавіемъ. Статья эта—ничто иное, какъ письмо жены Понтійскаго Пилата, въ которомъ она описываетъ своей подругѣ о послѣднихъ дняхъ жизни нашего Спасителя на землѣ и о Его кончинѣ.

Думаемъ, что читатели Таврич. Еп. Вѣдомостей не безъ интереса прочтутъ это письмо.

„Благодія Прокула, Фульвіи Геркуліи, привѣтъ!

Ты просишь меня, мой вѣрный другъ, описать тебѣ событія, совершившіяся со дня нашей разлуки; молва о нѣкоторыхъ изъ нихъ долетѣла до тебя и таинственность, которою онѣ облечены, поселяютъ въ тебѣ безпокойство о моей участи. Повинуясь твоему нѣжному призыву, я стараюсь собрать въ моей памяти разбросанные обломки цѣлой моей жизни; если въ этомъ описаніи ты встрѣтишь обстоятельства, которыя поразятъ твой разумъ, то вспомни, что верховныя творческія силы окружили непроницаемыми тѣнями наше рожденіе, существованіе и смерть, и что невозможно слабымъ смертнымъ измѣрить тайны судебъ ихъ.

Я не буду напоминать тебѣ о первыхъ дняхъ моей жизни, такъ мирно пролетѣвшихъ въ Нарбонѣ подъ кровомъ родительскимъ и охраненіемъ твоей дружбы. Ты знаешь, что съ наступленіемъ моей шестнадцатой весны, я была соединена узами брака съ Римляниномъ Понтіемъ, потомкомъ древняго знаменитаго дома, занимавшимъ тогда въ Иберіи важное правительственное мѣсто. Едва мы вышли изъ храма, какъ мнѣ должно было уже ѣхать съ Понтіемъ въ провинцію, ему ввѣренную. Не радостно, но и безъ отвращенія, послѣдовала я за супругомъ, который по своимъ лѣтамъ могъ быть отцомъ моимъ. Я тосковала о васъ: тихій отеческій домъ, счастливое небо Нарбоны, прекрасные памятники, свѣжія рощи моей родины, я привѣтствую васъ глазами полными слезъ... Первые годы моего замужества прошли спокойно; небо даровало мнѣ сына; онъ былъ мнѣ дороже дневного свѣта; я раздѣляла часы мои между исполненіемъ моихъ обязанностей и удовольствіями, позволенными женщинамъ. Сыну моему минуло пять лѣтъ, когда Понцій, по особенной милости Императора, былъ назначенъ проконсуломъ Іудей.

Мы отправились съ нашими служителями по живописной дорогѣ, я любовалась этою страной, богатою и плодосною, которою мужъ мой долженъ управлять именемъ Рима; владыки народовъ. Въ Іерусалимѣ меня окружили почестями; но я жила въ совершенномъ уединеніи, ибо евреи, подозрительные и гордые, ненавидятъ иностранцевъ—язычниковъ, какъ они насъ называютъ, говоря, что мы оскверняемъ своимъ присутвіемъ священную землю, завѣщанную имъ Богомъ предковъ ихъ. Я проводила время съ моимъ младенцемъ посреди моихъ тихихъ садовъ, гдѣ мирты переплетались съ фісташками, гдѣ стройныя пальмы

прекраснѣе пальмъ Делоса, возвышались рядомъ съ цвѣтущими померанцовыми и гранатовыми деревьями; тамъ, полъ этою свѣжею тѣнью, я вышивала покровы для алтарей или читала стихи *Виргилія*, столь усладительные для слуха, еще болѣе сладкіе для сердца. Въ рѣдкія минуты, которыя мой мужъ могъ удѣлять мнѣ, онъ былъ мраченъ и грустенъ: какъ ни тверда была его рука, она была еще слишкомъ слабою, чтобы удержать въ повиновеніи этотъ народъ, такъ долго независимый, возмутительный отъ природы, раздѣляемый тысячею буйныхъ сектъ, которыя соглашались между собою только въ одномъ: въ бѣшеной ненависти къ имени Римскому. Одно лишь изъ значительныхъ семействъ *Іерусалима* оказывало мнѣ нѣкоторую дружбу; это было семейство начальника синагоги; я находила большое удовольствіе въ посѣщеніи его супруги *Саломіи*—образца добродѣтели и кротости, въ свиданіяхъ съ ихъ двѣнадцатилѣтнею дочерью *Сеמידой*, любезною и прекрасною, какъ розы *Саарона*, украшавшія ея кудри... Иногда онѣ говорили мнѣ о *Богѣ* отцевъ своихъ, читали мнѣ нѣкоторые отрывки изъ своихъ священныхъ книгъ. И сказать-ли тебѣ, *Фульвія*? вспоминая слышанныя изъ устъ *Саломіи* хвалы *Богу Іакова*, этому *Богу* единому, невещественному, вѣчному, недоступному страстямъ и порокамъ, которымъ такъ часто мы даемъ божественныя имена на алтаряхъ нашихъ; милосердному, всемогущему, соединяющему силу и благость, чистоту и величіе; вспоминая голосъ *Сеמידы*, сливавшійся со звуками арфы, въ пѣніи святыхъ гимновъ, твореній *благочестія* великаго царя *Израильскаго*, которые я, въ свою очередь, пробовала на своей лирѣ,—какъ часто тогда въ моемъ уединеніи, у колыбели моего сына, я повергалась на колѣни и призывала, почти противъ моей воли, молясь о

милыхъ сердцу, этого Бога, Которому сама судьба, судьба съ желѣзною рукою покоряется, какъ раба Владыкѣ,—и я вставала всегда подкрѣпленною и утѣшенною. Съ нѣкотораго времени Семида была нездорова; въ одно утро, при моемъ пробужденіи, мнѣ сказали, что она скончалась, безъ предсмертнаго томленія, въ объятіяхъ матери. Сраженная горестью при этой ужасной вѣсти, обнявъ моего сына, я поспѣшила къ нимъ, чтобы плакать съ несчастною Саломіей. Дойдя до улицы, въ которой они жили, люди мои съ трудомъ могли проложить дорогу моимъ носилкамъ, ибо флейтички, пѣвчіе и толпы народа тѣснились вокругъ дома. Остановясь у подъѣзда, я замѣтила, что толпа разступилась предъ группою идущихъ, на которую она глядѣла съ удивленіемъ и почтительнымъ любопытствомъ. Въ первомъ изъ этой группы я узнала отца Семиды, но вмѣсто горести, которую я ожидала прочесть на почтительномъ его лицѣ, оно выражало глубокое убѣжденіе, странную надежду, для меня непонятную; подлѣ него шли три человѣка, бѣдно одѣтые, простой и грубой наружности; за ними, завернувшись въ мантию, шелъ мужъ, еще во цвѣтѣ лѣтъ... Я подняла на него глаза и вдругъ опустила ихъ, какъ-бы предъ яркимъ сіяніемъ солнца; мнѣ казалось, что чело его озарено, что вѣнцеобразные лучи окружаютъ его локоны, ниспадавшіе по плечамъ, какъ у жителей Назарета. Невозможно выразить тебѣ, что я почувствовала при взглядѣ на него: это было вмѣстѣ могущественнѣйшее влеченіе, ибо неизъяснимая сладость разливалась во всѣхъ чертахъ его, — и тайный ужасъ, потому что глаза его издавали блескъ, который какъ-бы обращалъ меня въ прахъ. Я послѣдовала за нимъ, сама не зная куда иду. Дверь отворилась, я увидѣла Семиду; она лежала на одрѣ, окруженная свѣтильниками

и ароматами, она была еще прекрасна, прекрасна небеснымъ спокойствіемъ, но чело ея было блѣднѣе лилій, рассыпанныхъ у ногъ ея, и синеватый перстъ смерти оставилъ слѣды на ея впалыхъ ланитахъ и поблекшихъ уже устахъ. Саломія сидѣла подлѣ нея безмолвная, почти лишенная чувствъ; она, казалось, даже не видѣла насъ. Гаиръ, отецъ молодой дѣвицы, бросился къ ногамъ незнакомца, остановившагося у постели, и, указывая ему краснорѣчивымъ жестомъ на усопшую, вскричалъ: „Господи, дочь моя въ рукахъ смерти, но, если ты пожелаешь, она оживетъ!“ Я затрепетала при этихъ словахъ; сердце мое какъ бы приковалось къ каждому движенію незнакомца. Онъ взялъ руку Семиды, устремилъ на нее свои могучіе взоры и произнесъ: „встань, дитя мое!“—Фульвія! она повиновалась! Семида приподнялась на своемъ ложѣ, поддерживаемая невидимой рукою, глаза ея открылись, нѣжный цвѣтъ жизни разцвѣлъ на ея устахъ, она протянула руки и вскричала: „Маменька!“—Этотъ крикъ воскресилъ Саломію; мать и дочь судорожно прижались другъ къ другу, а Гаиръ, простершись на землѣ и осыная поцѣлуйми края одежды того, кого называлъ учителемъ, повторялъ: „что должно дѣлать, чтобы служить тебѣ?! чтобы получить жизнь вѣчную?!“

„Изучать и исполнять два правила закона: любить Бога и человѣковъ!“ Сказавъ это, онъ скрылся отъ насъ какъ эфирная и свѣтлая тѣнь. Я была на колѣнахъ, сама того не зная; вставъ, какъ-бы подъ вліяніемъ сна, я возвратилась домой, оставя блаженное семейство на вершинѣ наслажденій, для изображенія коихъ не созданы ни кисти, ни перо. За вечернимъ столомъ я рассказала Понтію все, чему была свидѣтельницей; онъ поникъ головой и сказалъ:

„ты видѣла Иисуса Назаретскаго. Это — предметъ ненависти фарисеевъ, саддукеевъ, партіи Ирода и гордыхъ левитовъ храма; каждый день увеличивается эта ненависть и мщеніе ихъ висить надъ главою Его, а между тѣмъ рѣчи Назарянина — суть рѣчи мудреца и чудеса Его — чудеса истиннаго Бога“.

„За что же они ненавидятъ Его?“

„За то, что Онъ обличаетъ ихъ пороки и ихъ критизмъ; я слышала Его въ одинъ день:

„Убѣленные гробы. порожденія ехидны, говорилъ Онъ фарисеямъ; вы взваливаете на рамена братій вашихъ ноши, до которыхъ бы сами не хотѣли коснуться и концемъ пальца; вы платите подати за травы, мяту и тминъ, но мало заботитесь объ уплатѣ должнаго законамъ вѣры, правосудія и милосердія.“ Смыслъ этихъ словъ глубокій и истинный, слишкомъ глубокій и слишкомъ истинный; они раздражали этихъ надменныхъ людей, — и горизонтъ очень мраченъ для Назарянина!“

„Но ты будешь защищать его, вскричала я съ жаромъ, ты имѣешь здѣсь полную власть!“

„Моя власть — ничто иное, какъ призракъ предъ этимъ мятежнымъ и коварнымъ народомъ... Между тѣмъ я бы душевно страдала, если бы долженъ былъ пролить кровь этого мудреца“.— Съ этими словами Понтій всталъ и вышелъ, погруженный въ глубокую думу; я осталась одна въ мрачной и невыразимой грусти.

День Пасхи приближался. На этотъ праздникъ, столь важный у евреевъ, стекалось въ Иерусалимъ безчисленное множество народа со всѣхъ концовъ Іудеи для принесенія во храмъ торжественной жертвы.

Въ четвертокъ, предшествовавшій этому празднику,

Понтій сказалъ мнѣ съ горестью: „Будущность Іисуса Назарейнина очень неутѣшительна, — голова его оцѣнена и сегодня же вечеромъ онъ можетъ быть будетъ преданъ въ руки архіереевъ.“ — Я задрожала при этихъ словахъ и повторила: „Но ты защитишь его?“ — „Могу ли я это сдѣлать?“ сказалъ Понтій съ мрачнымъ видомъ; судьба, которую Платонъ предрекъ своему воображаемому праведнику, кажется угрожаетъ Іисусу: онъ будетъ преслѣдуемъ, измѣнически преданъ и осужденъ на смерть жестокою... Такъ-то боги издѣваются надъ слабостію смертныхъ!“...

Насталъ часъ успокоенія; но едва я склонила голову на подушку, какъ таинственныя грезы овладѣли моимъ воображеніемъ. Я видѣла Іисуса; я видѣла Его такимъ, какъ Саломія описывала мнѣ своего Бога: ликъ Его блисталъ какъ солнце; Онъ парилъ на крыльяхъ Херувимовъ, пламенныхъ исполнителей Его повелѣній; остановясь въ облакахъ, Онъ казался готовымъ судить поколѣнія народовъ, собранныхъ у Его подножія. Мановеніемъ своей десницы Онъ отдѣлялъ добрыхъ отъ злыхъ: первые возносились къ Нему, сіяющіе вѣчною юностію и божественною красою; а вторые низвергались въ бездну огня, предъ которымъ ни что огонь Евеа и Флегетона, — и когда Судія, указывая имъ на раны, покрывавшія его тѣло, говорилъ имъ громовымъ голосомъ: „Воздайте кровь, которую Я пролилъ за васъ!“ — тогда эти несчастные просили у горъ покрыть и у земли — поглотить ихъ... Тщетно, — они чувствовали себя безсмертными для мукъ, безсмертными для отчаянія... О! какой сонъ или, вѣрнѣе сказать, какое откровеніе! Лишь только заря зарумянила вершины храмовъ, я встала еще съ сжатымъ сердцемъ отъ ужаса и сѣла у окна, чтобы подышать свѣжимъ утреннимъ воздухомъ. Мало-по-малу

мнѣ показалось, что смертоносный ревъ выходилъ изъ центра города; крики, проклятія, болѣе ужасныя, нежели гулъ взволнованнаго океана, доходили до меня; я прислушивалась, сердце страшно билось, чело обливалось ледянымъ потомъ; вдругъ я замѣтила, что этотъ гулъ приближается болѣе и болѣе, что подъ гнетомъ безчисленной толпы стонетъ мраморная лѣстница, ведущая въ преторъ. Терзаемая неизвѣстностью, я беру на руки сына, который игралъ подлѣ меня, укутываю его въ складкахъ покрывала и бѣгу къ моему мужу. Дойдя до внутренней двери судилища и слыша за нею голоса, я не смѣла войти, но приподняла пурпуровую занавѣсь. Какое зрѣлище, Фульвія! Понтій сидѣлъ на своемъ тронѣ изъ слоновой кости, во всемъ великолѣпнн, коимъ Римъ окружаетъ своихъ представителей, но подъ безстрастнымъ выраженіемъ, которымъ онъ старался облечь свое лице, я угадала страшное волненіе; предъ нимъ, со связанными руками, въ изорванной насиліемъ одеждѣ, съ окровавленнымъ челою стоялъ Іисусъ Назаретскій, спокойный, неподвижный; въ его чертахъ не было ни гордости, ни страха; онъ былъ тихъ, какъ невинность, покоемъ, какъ агнецъ; но его кротость наполняла меня ужасомъ, потому что мнѣ слышались еще слова моей грезы: „Воздайте кровь, которую Я пролилъ за васъ!“ Вокругъ его бѣсновалась презрѣнная толпа, привлекавшая его на судилище; къ ней присоединилось нѣсколько полицейскихъ служителей, часть духовенства и фарисеевъ съ дерзкими взглядами (ихъ легко было узнать по пергаментнымъ табличкамъ съ начертаніемъ различныхъ текстовъ закона, которыя они носили на лбу). Всѣ эти страшныя лица дышали ненавистью,—казалось, что адское пламя отсвѣчивается въ этихъ глазахъ и что духи Терана смѣшивали

свои голоса съ дикими криками неистоваго бѣшенства. Наконецъ, по знаку Понтія, водворилось молчаніе.

„Чего вы отъ меня хотите?“—спросилъ онъ.

„Мы требуемъ смерти этого человѣка, Иисуса Назаретскаго“, отвѣчалъ одинъ изъ священниковъ отъ лица народа. „Иродъ посылаетъ его къ тебѣ для произнесенія приговора“.

„Въ чемъ-же состоитъ его преступленіе?“—При этомъ вопросѣ снова раздались крики: „Онъ предсказывалъ разрушеніе храма, Онъ называетъ Себя Царемъ Іудейскимъ, Христомъ, Сыномъ Божиимъ, Онъ оскорбляетъ святителей—сыновъ Аарона“, говорили левиты. „Да будетъ Онъ распятъ“, повторилъ народъ, разсвирѣплый, яростный.

Эти вопли смерти до сихъ поръ раздаются въ ушахъ моихъ и образъ непорочной жертвы съ той минуты безпрерывно представляется глазамъ моимъ.—Понтій возвысилъ голосъ и, обратясь къ Иисусу, ласково сказалъ Ему: „Итакъ, Ты Царь Іудейскій?“

„Ты говоришь это“, отвѣчалъ Онъ.—„Ты ли Христосъ, Сынъ Божій?“—Иисусъ не отвѣчалъ ни слова. Вопли возобновились пронзительнѣе прежняго, какъ рычаніе голодныхъ тигровъ. „Отдай Его намъ, на крестъ Его!“ Понтій заставилъ ихъ, наконецъ, замолчать и сказалъ имъ: „Я не нахожу ничего преступнаго въ этомъ человѣкѣ и хочу отпустить Его“.

„Отдай Его намъ, распни Его!“

Я не могла слушать долѣе; призвала невольника и послала его къ моему мужу, прося у него минуты свиданія. Понтій немедленно оставилъ судилище и пришелъ ко мнѣ. Я бросилась предъ нимъ на колѣни, говоря:

„Ради всего, что тебѣ дорого и свято, ради этого ди-

тяти, священнаго залога нашего соединенія, не будь участникомъ въ смерти этого праведника, подобнаго богамъ безсмертнымъ; я видѣла его въ эту ночь, въ чудномъ снѣ, облеченнаго Божественнымъ величіемъ: Онъ судилъ людей, трепетавшихъ предъ Нимъ,—и между тѣнями несчастныхъ, низвергнутыхъ въ бездну пламени, я узнала лица тѣхъ, которые теперь требуютъ Его смерти. Берегись поднять на Него святотатственныя руки. О! вѣрь мнѣ: одна капля крови (Его) запечатлѣетъ на вѣки твое осужденіе“.

„Все, что происходитъ, ужасаетъ меня самого, отвѣчалъ Понтій; но что я могу сдѣлать?! Римская когорта очень немногочисленна и эта защита слишкомъ слабая противъ этого народа, какъ-бы вдохновляемаго демонами. Гибель угрожаетъ намъ... и этотъ судъ подобенъ храму Евтеніи, гдѣ отъ него ждуть не правосудія, но мщенія. Но успокойся, Клавдія; иди въ садъ, занимайся нашимъ сыномъ, твои глаза не созданы для этихъ кровавыхъ сценъ“.

Съ этими словами онъ вышелъ. Оставшись одна, я предавалась отчаянной горести.

Иисусъ былъ еще предъ судомъ предметомъ насмѣшекъ, оскорбленій черни и воиновъ: порывы ихъ ярости равнялись Его неодолимому терпѣнію.

Понтій въ раздумьи возвратился на свое сѣдалище правосудія. При его появленіи, крики „смерть, смерть!“ раздались оглушительнѣе прежняго.

По освященному временемъ обычаю, правитель на праздникъ Пасхи всегда освобождалъ одного изъ осужденниковъ на казнь въ знакъ благотворенія и милосердія; въ этомъ благоугодномъ дѣлѣ онъ всегда обращался къ выбору народа. Видя, можетъ быть, въ этомъ обстоятельствѣ возможность спасти Иисуса, Понтій сказалъ громкимъ голо-

сомъ: „котораго отпустить вамъ на праздникъ,—Варавву или Иисуса, названнаго Христомъ?“—„Отпустите Варавву!“ вскричала толпа.

Варавва былъ грабитель и убійца, извѣстный всей окрестности по своимъ жестокостямъ.

Понтій снова спросилъ: „что же мнѣ дѣлать съ Иисусомъ Назаретскимъ?“—„Да будетъ распятъ!“—„Но какое же зло Онъ сдѣлалъ?!“—Увлеченная яростью толпа повторила: „да будетъ распятъ“!

Понтій въ отчаяніи опустилъ голову; непрерывно возрастающая дерзость черни, казалось, угрожала его власти, власти имени Римскаго, которою онъ такъ дорожилъ и которая въ Иерусалимѣ не имѣла другой защиты, кромѣ своей славы, ибо весьма немногіе воины присягнули орламъ нашимъ.

Волненіе ежеминутно увеличивалось. Никогда бурный шумъ цирка, никогда пренія форуна не имѣли такого вліянія на слухъ мой; нигдѣ не было спокойствія, — оно обитало только на величественномъ челѣ жертвы; оскорбленія, пытки, приближеніе позорной и мучительной смерти,—ничто не могло отуманить этого небеснаго взгляда: эти очи, возвратившіе жизнь дочери Іаира, обращались на своихъ палачей съ неопѣненнымъ выраженіемъ мира и любви; Онъ страдалъ безъ сомнѣнія, но страдалъ съ радостію и душа его, казалось, улетала къ невидимымъ престоломъ, какъ чистое пламя святого всеожженія. Преторія была наводнена народомъ; онъ стремился, этотъ бурный потокъ, отъ вершинъ Сіона, гдѣ воздвигнуть храмъ, до подошвы судилища и каждую минуту новые голоса присоединялись къ этому адскому хору. Мой мужъ, утомленный, испуганный, уступилъ наконецъ.

О! вѣчно пагубный часъ!

Понтій всталъ; сомнѣніе и мертвенный ужасъ изображались на его лицѣ; символическимъ жестомъ онъ омочилъ руки въ урну, полную воды, и воскликнулъ: „Я невиненъ въ крови сего праведника!“— „Да падетъ она на насъ и дѣтей нашихъ!“ завопилъ безумный народъ и, толпясь вокругъ Иисуса, палачи повлекли его въ бѣшенствѣ. Я слѣдовала глазами за жертвой, уже ведомой на закланіе. Вдругъ туманъ сгустилъ мое зрѣніе, колѣни подогнулись, по судорогамъ моего сердца казалось мнѣ, что жизнь моя коснулась своей грани... Я опомнилась на рукахъ моей женщины, подлѣ огня, выходившаго на дворъ судилища; я взглянула и увидѣла свѣжіе слѣды пролитой крови. „Здѣсь бичевали Назарейнина“, сказала одна изъ невольницъ, „а тамъ вѣнчали его терніемъ“, сказала другая; „солдаты насмѣхались надъ нимъ: называли его царемъ Іудейскимъ и били его по ланитамъ; теперь онъ испускаетъ духъ“, сказала третья.

Каждое изъ этихъ словъ, подобно кинжалу, пронзало мое сердце; подробности ужаснаго злодѣяства удвоивали мою горестъ; по терзанію моей груди я чувствовала, что было нѣчто сверхъестественное въ событіяхъ этого несчастнаго дня. Небо, казалось, гармонировало съ трауромъ моей души; огромныя облака страшными формами висѣли надъ землею и изъ ихъ сѣрнистыхъ нѣдръ вылетали блѣдныя молніи; городъ, столь шумный въ продолженіи утра, былъ угрюмъ и безмолвенъ, какъ будто смерть распростерла надъ нимъ свои черныя крылья. Невыразимый ужасъ приковывалъ меня къ одному мѣсту; прижавъ къ груди мое дитя, я ожидала, не зная, что было предметомъ моего ожиданія. Къ девятому часу дня мракъ сгустилъ воздухъ,

ужасное потрясеніе всколебало землю, все трепетало; можно было подумать, что міръ разрушается и стихіи возвратятся въ прежній хаосъ; я припала къ землѣ. Въ это время одна изъ моихъ женщинъ, Іудеянка по рожденію, вошла въ комнату блѣдная, отчаянная, съ блуждающими глазами, и вскричала: „насталъ послѣдній день! Богъ возвѣщаетъ это чудесами: завѣса храма, скрывавшая святое святыхъ, распалась на двое; горе мѣсту святому! говорятъ, что гробы открылись и многіе видѣли возставшихъ праведниковъ, погибшихъ въ Іерусалимѣ пророковъ и священниковъ, отъ Захарія, убіеннаго между храмомъ и жертвенникомъ, до Іереми, предсказывавшаго паденіе Сіона: Мертвые возвѣщаютъ намъ гнѣвъ Божій! Кара Всевышняго разливается съ быстротою пламени“.

При этихъ словахъ мнѣ показалось, что я теряю рассудокъ; я встала и, едва передвигая ноги, вышла на лѣстницу; тамъ я встрѣтила сотника, участвовавшаго въ казни Іисуса. Этотъ сотникъ былъ ветеранъ, посѣдѣлый въ бояхъ съ Германцами и Спартами; никогда болѣе смѣлое сердце не билось въ болѣе твердой груди, но въ эту минуту онъ былъ разстроенъ, изнемогалъ отъ мукъ раскаянія. Я хотѣла разспросить его; онъ прошелъ мимо меня, повторяя въ забыты: „Тотъ, Кого мы убили, былъ истинный Сынъ Божій!“

Я вошла въ большую залу; тамъ сидѣлъ Понтій закрывъ лице руками; поднявъ голову при моемъ появленіи, онъ сказалъ въ отчаяніи: „Ахъ! почему я не послушалъ твоихъ совѣтовъ, Клавдія, почему я не защищалъ этого мудреца цѣною жизни моей?! Мое гнусное сердце не вкуситъ болѣе покоя!“—Я не смѣла отвѣчать; у меня не было утѣшеній для этого невознаградимаго несчастія, навѣки

заблеймившаго насъ печатью гибели. Молчаніе прерывалось только раскатами грома, страшно отдававшася подъ сводами дворца. Не смотря на эту бурю, какой-то старикъ явился у входа въ наше жилище; его ввели къ намъ. Онъ со слезами бросился къ ногамъ моего мужа: „имя мое Иосифъ Аримаѳейскій; я пришелъ умолять тебя позволить мнѣ снять со креста тѣло Иисуса и погребети Его въ саду, мнѣ принадлежащемъ“.

„Возьми!“ отвѣчалъ Понтій, не поднимая глазъ. Старецъ вышелъ. Я видѣла, что къ нему присоединилась группа женщинъ въ длинныхъ покрывалахъ, ожидавшихъ его подъ портикомъ.

Такъ кончился этотъ роковой день. Иисусъ былъ погребенъ въ могилѣ, въ скалѣ вырытой; у входа въ пещеру была поставлена стража. Но, Фульвія! Въ третій день, сіяющій славою и побѣдою, Онъ явился надъ этимъ гробомъ! Онъ воскресъ, исполнивъ свое предреченіе и, торжествуя надъ смертію, предсталъ своимъ ученикамъ, своимъ друзьямъ и, наконецъ, многочисленному собранію народа. Такъ свидѣтельствуютъ о Немъ ученики: свидѣтельство, подтвержденное ихъ кровію, пролитою за Господа Иисуса, предъ тронами судей и князей. Но самое вѣрное о Немъ свидѣтельство есть Его ученіе, ввѣренное нѣсколькимъ рыбакамъ Тиверіады. Это ученіе распространилось уже во всей имперіи. Эти люди простые, смиренные, неизвѣстные, вдругъ стали краснорѣчивы и мужественны. Новая вѣра возростаетъ какъ тѣнистое дерево, коего благородный корень покроетъ нѣкогда всѣ корни, имена, религіи и славы Римлянъ.

Съ того времени ни въ чемъ нѣтъ успѣха моему мужу: обвиненный въ своемъ поступкѣ Сенатомъ и самимъ

Тиверіемъ, добыча ненависти Іудеевъ, презираемый тѣми, коихъ страстямъ послужилъ, жизнь его — есть отрава и мученіе. Мое уединеніе увеличилось: Саломія и Семида смотрѣли со страхомъ на жену преслѣдователя, палача ихъ возлюбленнаго Господа, ибо онѣ сдѣлались ученицами Того, Кто ихъ возвратилъ другъ другу. Я видѣла не смотря на ихъ кроткую доброту, невольный трепеть на ихъ лицахъ при моемъ приближеніи и скоро перестала посѣщать ихъ. Я углубилась въ моемъ одиночествѣ въ непрерывное изученіе нѣкоторыхъ изъ нравоученій Іисуса, переданныхъ мнѣ Саломією и списанныхъ мною.

О, другъ мой! что такое ничтожная суетная мудрость жрецовъ нашихъ въ сравненіи съ этимъ ученіемъ, которое одинъ только Богъ могъ завѣщать землѣ! О, какъ глубоко мудры эти рѣчи! какъ онѣ дышатъ миромъ и благостію! — Перечитывать ихъ есть мое единственное утѣшеніе.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Понтій былъ лишенъ своей власти; мы возвратились въ Европу и, блуждая изъ города въ городъ, онъ влачилъ за собой по всей Имперіи ношу скорби своей возмущенной и исполненной отчаянія души. Я послѣдовала за нимъ (жена Каина, говорятъ Іудеи, тоже послѣдовала за своимъ изгнаннымъ мужемъ). Но какова жизнь моя съ нимъ? Дружба, довѣренность супружеская не существуетъ болѣе между нами; онъ видитъ во мнѣ свидѣтеля, живое воспоминаніе своего преступленія; я вижу воздвигающійся между нами образъ окровавленнаго креста, на коемъ онъ, судія незаконный, пригвоздилъ Невиннаго и Праведнаго; я не смѣю поднять на него глазъ; звукъ его голоса, этого голоса, произнесшаго приговоръ, леденитъ мое сердце, — и когда послѣ стола онъ совершаетъ омовеніе, мнѣ кажется, что онъ погружаетъ руки не въ чистую воду, но

въ дымящуюся кровь, слѣды которой не могутъ изгладиться. Однажды я хотѣла говорить ему о раскаяніи и о милосердіи Всевышняго; но я никогда не забуду ни его звѣрскаго взгляда, ни отчаянныхъ словъ, вырвавшихся изъ устъ его... Скоро сынъ мой, мой возлюбленный, умеръ въ моихъ объятіяхъ и я не оплакивала его... Счастливецъ,—онъ умеръ блаженный, онъ избавился отъ проклятія, преслѣдующаго насъ; онъ свергнулъ съ себя страшную ношу имени своего отца!

Несчастія вездѣ бѣгутъ за нами, ибо вездѣ есть уже христіане; даже здѣсь, въ этой дикой странѣ, гдѣ мы просили убѣжища у тумановъ морскихъ и безотрадныхъ скалъ, и здѣсь я слышу—съ отвращеніемъ произносится имя моего мужа... Я узнала, что Апостолы, прощаясь другъ съ другомъ предъ отправленіемъ на проповѣдь Евангелія, начертали въ изъясненіи своей вѣры эти знаменательныя слова: „Онъ страдалъ при Понтіѣ Пилатѣ“. Страшная анаѰема, которая будетъ повторяться вѣка: *Passus est sub Pontio Pilato!* (Распятъ при Понтійскомъ Пилатѣ).

Прощай, Фульвія! Пожалѣй обо мнѣ; да возможетъ праведный Богъ даровать тебѣ все счастье, котораго нѣкогда мы желали другъ другу!

Прости!“ ...

Древнее христіанское преданіе повѣствуетъ, что Пилатъ, подобно Іудѣ—предателю, отчаявшись въ Божественномъ милосердіи, лишилъ себя жизни. Жена же его умерла христіанкой и грековосточная православная церковь даже причла ее къ лику святыхъ.

А.

Ред. Подлинное ли это письмо жены Понтія Пилата, или нѣтъ, редація съ увѣренностью сказать не можетъ.

О возможности для сельскаго духовенства занятія медициной.

Въ истекшее лѣто многимъ изъ духовенства волей-неволей пришлось лѣчить холерныхъ; если—чего Боже упаси—холера повторится въ наступающее лѣто, то и опять придется духовенству потрудиться на этомъ поприщѣ. Все это до извѣстной степени можетъ служить оправданіемъ, чтобы вновь коснуться давнишняго вопроса о преподаваніи медицины въ духовныхъ семинаріяхъ, который хотя и разрѣшенъ въ принципѣ, однако практическаго примѣненія себѣ все еще не находитъ. Доказывать всю важность медицинскихъ знаній для духовенства излишне. Дѣло слишкомъ говорило бы за себя, если бы въ каждомъ селѣ была, такъ сказать, медицинская точка опоры, въ лицѣ священника, псаломщика или учителя, а иногда и всѣхъ вмѣстѣ.

Къ сожалѣнію это только мечты... Въ дѣйствительности же приходится большею частью наблюдать одну «скорбь вопіющую». Эта скорбь, эта совершенная беспомощность деревенскаго населенія въ медицинскомъ отношеніи, извѣстна, думаю, каждому священнику, каждому мало-мальски наблюдательному сельскому человѣку. Извѣстно и то, къ какимъ дикимъ приемамъ и средствамъ лѣченія прибѣгаютъ крестьяне за неимѣніемъ болѣе рациональныхъ. Вотъ, напримѣръ, въ самое то время, какъ я взялся за перо, чтобы написать эту замѣтку, меня вызвали въ кухню, куда пришла мордовва дер. Самодуровки съ ребенкомъ. Видъ ребенка былъ худосочный, ему 2 года, а онъ еще не ходитъ, животъ большой. Я сразу заподозрилъ англійскую болѣзнь (*rachitis*).—Лѣчили чѣмъ-нибудь? спрашиваю.—«Какъ не лѣчить, родной, лѣчила».—Чѣмъ?—«Да бабушка въ банѣ крѣпко, страсть крѣпко парить, парить да $\frac{1}{2}$ ст. водки

дасть; опять парить, опять дасть $\frac{1}{2}$ ст.; да нѣтъ, лучше-то нѣтъ». Вотъ оно — деревенское лѣчение.

При такомъ положеніи дѣла необходимо и въ высшей степени желательно заняться медициной представителямъ интеллигенціи въ селѣ, т. е. священникамъ, псаломщикамъ, окончившимъ курсъ, учителямъ и др. Мнѣ скажутъ, можетъ быть, что у насъ есть земскіе врачи, фельдшера и больницы, а потому народное здоровье вполне обезпечено? Но кому это возраженіе представляется серьезнымъ, пусть знаютъ, что въ громадномъ большинствѣ нашихъ врачебныхъ участковъ обыкновенно на 1 врача приходится 50,000 населенія обоого пола. Что же можетъ тутъ сдѣлать одинъ врачъ съ 2—3 фельдшерами? Примите въ расчетъ еще 20—45 верстное разстояніе больного отъ врача, условія крестьянской жизни и много, много еще кое-чего и возраженіе окажется не особенно серьезнымъ.

Нѣтъ, придти на помощь врачамъ крайне необходимо. Вопросъ лишь въ томъ — доступны ли медицинскія знанія безъ спеціальной подготовки въ соответствующихъ учебныхъ заведеніяхъ? На это мы отвѣтимъ словами авторитетнаго доктора и профессора Флоринскаго, издавшаго капитальный трудъ «Домашняя медицина». Въ предисловіи къ этому сочиненію онъ, между прочимъ, говоритъ: «всякая научная, ясно признаваемая истина можетъ быть изложена въ общедоступной формѣ. Медицинская наука въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія. *Въ извѣстныхъ предѣлахъ медицинскія понятія совершенно доступны для всякаго образованнаго чловѣка* и осмысленныя по нимъ дѣйствія могутъ быть безусловно полезны. Само собою разумѣется несвѣдущему чловѣку нельзя дозволить производить медицинскія экспертизы надъ своимъ ближнимъ, нель-

зя разрѣшить ему производить операціи, назначать героическія средства, гдѣ требуется, помимо осторожности, истинно-научное знаніе и опытность».

Съ этимъ мнѣніемъ почтеннаго профессора нельзя не согласиться. Въ справедливости его я лично убѣдился собственнымъ опытомъ, о чемъ и намѣренъ рассказать.

По окончаніи курса духовной семинаріи, я въ медицинѣ ничего не зналъ. Жить мнѣ пришлось въ селѣ на должности учителя церковно-приходской школы, въ домѣ отца, священника. Въ селѣ, какъ извѣстно, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь приходится приспособляться къ обстоятельствамъ и исправлять иногда совсѣмъ непредвиденныя должности. То же случилось и со мною. Село наше почти совершенно безпомощно въ медицинскомъ отношеніи. Участковый врачъ живетъ въ 25 в., фельдшеръ еще дальше. Со всѣми своими «скорбями и болѣзнями» крестьяне и особенно крестьянки ходили толпами къ «матушкѣ», моей матери, которая часто оказывала несомнѣнную помощь. Я долго присматривался къ этому и, наконецъ, не желая быть только пассивнымъ наблюдателямъ, рѣшился самъ заняться медициной. Я выписалъ штукъ пять лучшихъ популярныя руководства по медицинѣ и засѣлъ за нихъ... Простудировавши ихъ основательно, я сталъ присматриваться къ больнымъ. Симптомы извѣстной болѣзни часто напоминали мнѣ ранѣе вычитанные такіе же симптомы; я сравнивалъ данный случай съ описаннымъ и часто, къ большой радости, убѣждался въ ихъ совершенной тождественности. Діагнозъ слѣдовательно ставился вѣрно, ну, а ужъ лѣченіе ничего потому не стоило, оно было указано въ лѣчебникѣ. Болѣе продолжительная практика дала большую опытность и теперь я, сравни-

тельно, безъ особеннаго труда, опредѣляю обыкновенныя болѣзни.

Подборъ медикаментовъ въ свою аптеку я сдѣлалъ по указаніямъ и совѣтамъ участковаго врача, которому за это я весьма благодаренъ. Аптеку я всю купилъ почти на свои средства, затративъ рублей 30; деньги эти, впрочемъ, мнѣ вполнѣ возвращаются, такъ какъ съ каждаго больного за пользованіе лѣкарствами берется 5 к., которыя они съ удовольствіемъ платятъ, а пятачковъ этихъ немало.

Больные являюся ко мнѣ не только изъ нашего прихода, но и изъ чужихъ, очень часто за 15—18 верстъ. Одинъ сторонній прожилъ даже дней 10 у насъ, пока я лѣчилъ его рану.

Больныхъ съ 1 января по 1 сентября въ моей записной книгѣ значится 589 человѣкъ, изъ нихъ 72 проц. падаетъ на иноселѣнихъ. Являлась еще масса больныхъ, которыхъ я лѣчить не могъ и отсылалъ къ врачу,—эти разумѣется здѣсь не записаны.

Сколько умерло изъ 589 человѣкъ, къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстно. Но въ своемъ приходѣ я сравнивалъ количество смертей за два года, причемъ оказались самые отрадные выводы. Наприм., въ предпрошлое лѣто дѣтей отъ поноса умерло 49 ч., въ прошлое только 8. Смерть этихъ 8 я имѣю основанія объяснять всецѣло небрежностью матерей. Вообще позволяю себѣ думать, что мои медицинскія занятія не бесплодны.

Было бы въ высшей степени желательно, чтобы сельскіе священники, особенно молодые, серьезно посмотрѣли на это дѣло. Вѣдь это одинъ изъ важныхъ способовъ къ поднятію своего значенія въ приходѣ. Крестьяне сугубо будутъ уважать сугубаго врача, врача душъ и тѣлесъ. Нужно и

то имѣть въ виду, что дѣло это, помимо значенія своего нравственнаго, можетъ имѣть и нѣкоторое матеріальное значеніе. А сколько горя, кроваваго горя убавилось бы среди деревенской темноты!

Желающимъ заняться медициной можно рекомендовать слѣдующія вполне доступныя и въ тоже время солидныя руководства: Андріевскій «Школа здоровья», изд. 5. Спб. Ц. 3 р. 50 к. Флоринскій «Домашняя медицина», лѣчебникъ для народнаго употребленія. Сочиненіе удостоено преміи Петра Великаго. Изд. 4-е, ц. 3 р. 50 к. Спб. Фейгинъ «Руководство для фельдшеровъ, фельдшерницъ и фельдшерскихъ учениковъ», 5 томовъ, 3 р. 50 к. Москва. Существуетъ еще прекрасный журналъ «Фельдшеръ», который можно бы рекомендовать по его общедоступности.

Учитель ц.-пр. школы *А. Мироносицкій*.

Цер. Вѣстн. 1893 г. № 14.

Аю-дагъ

и близъ лежація мѣстности:

Артекъ, Партенитъ и Урзуфъ.

Аю-дагъ—это гора, она находится на Южномъ Берегу Крыма. *Аю*—потатарски медвѣдь, а *дагъ*—гора, такъ называли эту гору татары по сходству этой горы съ медвѣдемъ, пьющимъ воду изъ моря. Аю-дагъ гора представляетъ дѣйствительно привлекательный видъ, среди живописной мѣстности и богатой растительности. Южнаго Берега; съ южной стороны гора окружена бурнымъ моремъ, такъ какъ эта гора далеко вдается въ море. Гору Аю-дагъ та-

тары еще называютъ—буюкъ-кастель (большой кастель) въ отличіе отъ другой горы—кучукъ-кастель (маленькій кастель)—castrum укрѣпленіе: на Аю-дагѣ большое укрѣпленіе, а на горѣ кастель меньшее укрѣпленіе. Аю-дагъ стоитъ совершенно отдѣльно отъ Яйлы (главный хребетъ Таврическихъ горъ), такъ-же отдѣльно стоитъ и Кастель гора, по направленію къ Алуштѣ; по мнѣнію геологовъ обѣ горы составляютъ особенное вулканическое происхождение. Въ древнемъ мірѣ Элліны гору Аю-дагъ называли кардіатриконъ, значить исцѣленіе—утѣшеніе сердца, можетъ быть, такой причудливый видъ горы невольно вызывалъ улыбку, а потому, вѣроятно, древніе греки и назвали эту гору кардіатриконъ—въ значеніи именно улыбка—смѣхъ. Такъ-же въ древности Аю-дагъ греки называли—кріуметопонъ (бараній лобъ); такъ Муравьевъ-Апостоль въ своемъ путешествіи по Тавридѣ, ссылаясь на указанія Скимна Хіоеню, утверждаетъ, что эта гора въ древности называлась греками кріуметопонъ *) Древніе историки писатели Страбонъ и Плиній положительно не указываютъ, гдѣ именно находился древній кріуметопонъ (κρίομετόπον), извѣстный древнимъ мореплавателямъ грекамъ, не опредѣляютъ, въ какомъ мѣстѣ именно была эта приморская скала на берегахъ Киммерійскаго полуострова; но судя по названію оно дѣйствительно подходитъ къ этой горѣ, можно согласиться, что именно Аю-дагъ былъ древній кріуметопонъ, такъ какъ и теперь подобныя приморскія мѣстности моряки называютъ бараній лобъ (vaches moutonnées) Мѣстность, гдѣ находится гора Аю-дагъ, съ давнихъ временъ была мнѣ извѣстна, еще съ 1836 года, когда я переселился сюда изъ

*) См. Путешествіе по Тавридѣ, Муравьевъ—Апостоль, стр. 144 и 145-я.

далекаго нашего Сѣвера,—изъ Заонежскаго края Олонецкой губерніи въ Артекъ, имѣніе А. М. Потемкина,—это мѣсто моего первоначальнаго пребыванія на южномъ берегу, памятное по живымъ воспоминаніямъ моего дѣтства. Въ то время окружная мѣстность при самой подошвѣ горы Аю-дагъ была покрыта густой растительностію, дико растущимъ лѣсомъ, и кустарниками. Гора Аю-дагъ опускалась въ море совершенно отвѣснымъ утесомъ—скалою, внизу въ этой скалѣ отъ постоянного прибоя морскихъ волнъ образовались пещеры и въ этихъ то пещерахъ обитали морскія животныя; самъ я не видѣлъ этихъ морскихъ животныхъ, но мнѣ объ этомъ рассказывали въ Карсанѣ, въ имѣніи г. Раевского. Такъ передавалъ мнѣ это Исаагъ Боржо въ 1850-мъ году, который убилъ это морское животное. Можетъ быть и теперь еще помнятъ это событіе старожилы Партенита, татары старики. Нужно сказать, что это замѣчательно именно тѣмъ, что отъ части подтверждаетъ то предположеніе, что Каспійское море соединяется съ Чернымъ моремъ какимъ-то неизвѣстнымъ подземнымъ проходомъ,—иначе откуда-бы могли забраться сюда морскія животныя?

Имѣніе Артекъ нужно признать одной изъ самыхъ лучшихъ мѣстностей на всемъ южномъ берегу; мѣстность эта весьма замѣчательна своимъ прелестнымъ видомъ и отличнымъ мѣстоположеніемъ, почти при самой подошвѣ горы Аю-дагъ.

Дѣйствительно Артекъ расположенъ очень красиво, уютно и уединенно; гора Аю-дагъ съ восточной стороны совершенно закрываетъ этотъ хорошенькій уголокъ, и это очень полезно для виноградныхъ плантацій, потому что при восходѣ солнца косвенные лучи его не могутъ проникать подъ виноградный кустъ. Виноградныя плантаціи Артека

отличались въ то время лучшими сортами винограда, потому что виноградныя лозы были вывезены сюда изъ Испаніи—изъ острова Мадейры, и насаждены еще прежнимъ владѣльцемъ графомъ Олизаромъ, отъ котораго Потемкинымъ и было приобрѣтено это имѣніе. Такъ-же Артекомъ называлось, какъ слышалъ тогда, и имѣніе графа Олизара, оставшееся во Франціи. Особенныхъ рѣдкихъ и какихъ либо замѣчательныхъ растений, которыя могутъ расти въ грунтѣ на южномъ берегу, въ то время не было въ Артѣкѣ. При самой подошвѣ горы Аю-дагъ, ближе къ морю, видны были въ то время слѣды развалинъ какого-то древняго поселенія, когда-то здѣсь бывшаго; въ землѣ видны были нѣсколько глиняныхъ амфоръ закопанныхъ, еще почти уцѣлѣвшихъ; но при самой горѣ бывшія древнія жилища были завалены огромными камнями; среди этихъ навороченныхъ камней видны были уцѣлѣвшіе кусты фиговыхъ деревьевъ, очевидно древняго насажденія. Впослѣдствіи здѣсь были открыты слѣды развалинъ древняго христіанскаго храма, какъ это описано въ памятной книжкѣ Таврической губерніи, желѣзный крестъ отъ этого храма найденъ былъ подъ большимъ камнемъ;—камень этотъ квадратный былъ такъ огроменъ, что растущее, въ то время, подлѣ него большое дерево, едва доставало до вершины этого камня. Къ нему изъ Артека нарочно была проведена дорожка, камень разбитъ и перевезенъ въ Севастополь на доки, какъ сказано объ этомъ въ памятной книжкѣ *). Это древнее поселеніе грековъ расположено было подъ защитой Аю-дага, на случай опасности, особенно въ тѣ времена при постоянныхъ набѣгахъ кочующихъ хищниковъ на полуостровѣ,

*) См. Памятная книжка Таврической губерніи за 1867-й годъ, стр. 59-я.

обитатели находили убѣжище на вершинѣ Аю-дага, куда и укрывались въ устроенномъ укрѣпленіи. По настоящее время тамъ можно видѣть еще развалины этого укрѣпленія:—это стѣны вышиной неменѣе одной сажени на которыхъ росли большія и толстыя деревья. Древнее бывшее поселеніе при Аю-дагѣ не было извѣстно никому, о немъ писатели Крыма нигдѣ неупоминаютъ и не сохранилось его названія; только Кенпенъ предполагаетъ, что въ этихъ развалинахъ былъ открытъ камень съ греческими буквами, неизвѣстной надписью, какъ говорить въ крымскомъ сборникѣ *). Какъ видно, это древнее греческое поселеніе, отъ землетрясенія, бывшаго здѣсь, было завалено большими камнями обрушившихся скалъ, вѣроятно, въ XV вѣкѣ, когда разрушена была Ялта.

Въ древнихъ грамотахъ недавно случайно открытыхъ упоминается въ рядъ съ Партенитомъ названіе поселенія Сикита; полагаясь на это, можно предположить, что именно такъ называлось это древнее поселеніе грековъ. Открытыя древнія греческія грамоты, оказывается, принадлежали Патріарху Нилу, правившему церковію съ 1378-го по 1387-й годъ.

Грамоты эти были открыты случайно по смерти преосвященнаго Иннокентія **). Въ Артекѣ была построена церковь—Воскресенія Христова, а въ 1831-мъ году освящена. Въ 1837-мъ г. Сентября 15-го въ Артекѣ имѣлъ ночлегъ Императоръ съ Императрицей съ наслѣдникомъ и съ старшею дочерью; тогда-же вскорѣ при открытіи города Ялты и при освященіи Ялтинской Іоанно-Златоустовской

*) См. Крымскій сборникъ, Кенпенъ стр. 172-я.

**) См. Херсонскія Епарх. Вѣдомости, 1862-й годъ, № 12, стр. 167-я.

церкви графъ Воронцовъ предложилъ отцу моему священнику Андрею Накропину перейти въ Алуку и съ тѣхъ поръ я болѣе невидѣлъ Артека.

Ближайшая татарская деревня къ горѣ Аю-дагъ, по лѣвую сторону горы,—это деревня Партенить, замѣчательная прибрежная мѣстность; деревня расположена въ небольшой долинѣ, которая ближе къ горѣ расширяется. Приморскій берегъ образуетъ небольшой заливъ, съ запада и юга закрытый горой Аю-дагъ отъ вѣтровъ. Еще съ самыхъ древнихъ временъ эта приморская мѣстность на Киммерійскомъ полуостровѣ была уже извѣстна древнимъ мореплавателямъ грекамъ. Здѣсь именно находился нѣкогда торговый приморскій городъ—Партенить (Παρθενίτης)—это мѣсто рожденія одного изъ замѣчательнѣйшихъ иерарховъ древней церкви Таврическаго полуострова Св. Иоанна епископа Готѣйскаго, что собственно и составить предметъ настоящей статьи. Св. Иоаннъ епископъ Готѣйскій у Кешпена въ крымскомъ сборникѣ поставленъ седьмымъ по числу въ ряду епископовъ Готѣйскихъ. Память Св. Иоанна Православная церковь празднуетъ дважды—19-го Мая и 26-го Іюня. Годъ рожденія этого святителя Божія трудно положительно опредѣлить; въ самомъ прологѣ о немъ сказано только одно то: что „Св. Иоаннъ епископъ Готѣйскій бѣ при Константинѣ Копронимѣ и при отцѣ его Львѣ Исаврянинѣ (741) отъ Ставроскиѣскія страны подъ властію Готѣскою, сынъ Льва и Фотиніи“. Св. Дмитрій въ своемъ жизнеописаніи святыхъ такъ-же кратко сообщаетъ о дѣяніяхъ Св. Иоанна епископа Готѣйскаго, именно онъ такъ говоритъ: въ царствованіе Льва Исаврянина и сына его Константина Копронима многія отъ иконоборцевъ подъя бѣды и къ царицѣ Иринѣ о православной

вѣрѣ поучительно бесѣдова, физическими-же властями еретичествовавшими ять бывъ, избѣжа отъ нихъ и въ Мастріадѣ ко Господу отъиде“. *) Можно только приблизительно опредѣлить время рожденія сего Святителя, полагая, что Св. Іоаннъ родился въ первой половинѣ VIII-го вѣка, по всей вѣроятности, не ближе 20-хъ годовъ этого столѣтія. Будучи виновникомъ седьмаго Вселенскаго собора, наравнѣ съ другимъ такимъ-же ревнителемъ Православія Св. Стефаномъ Архіепископомъ Сурожскимъ, Св. Іоаннъ епископъ Готѣйскій недожилъ до 787-го года, и акты седьмаго Вселенскаго собора не имъ были подписаны, а вмѣсто его преемника Никиты епископа Готѣйскаго, акты этого собора подписалъ нѣкто монахъ Кириллъ, какъ это извѣстно изъ дошедшихъ до насъ списковъ. О происхожденіи Св. Іоанна такъ-же ничего нельзя сказать достоверно; какому именно принадлежалъ онъ народу, былъ-ли подлинно грекъ родомъ, или дѣйствительно онъ былъ Готѣ (а Таврическіе готѣ были тевтонское племя и говорили по нѣмецки, что засвидѣтельствовано исторически). Въ прологѣ сообщены только одни имена его родителей: Льва и Фотиніи; но кто они были греки или готѣ объ этомъ тамъ ничего не сказано. У Болландистовъ въ дѣяніяхъ святыхъ (*Acta Sanctorum*) **) указывается такъ-же только одно мѣсто его рожденія и то, что онъ возвратился на родину и здѣсь скончался. Въ томъ-же порядкѣ и тоже подтверждаетъ въ своемъ сочиненіи и *Michaelis le Quien* въ его извѣстномъ *Oriens christianus*,—въ этомъ, можно сказать, единственномъ повѣствованіи объ Іерархахъ Готѣйскихъ на Таврическомъ полу-

*) См. Четь-Миней подъ числомъ 26-го Іюня.

**) Болландисты—Это корпорация о.о. Іезуитовъ на которую возложена обязанность вести жизнеописаніе святыхъ.

островѣ; въ немъ такъ-же указывается на Партенить, какъ на мѣсто, гдѣ Св. Іоаннъ родился и погребенъ, тамъ именно такъ сказано: *Fertur cum Gothiae loco qui Partinita gum dicebatur natus esse*. Преосвященный-же Інокентій въ запискѣ своей: Св. Іоаннъ епископъ Готѣйскій „такъ говоритъ“: имя Партенить доселѣ уцѣлѣло на южномъ берегу Крыма, оно звучитъ по гречески, но отсюда еще нельзя заключить, что Св. Іоаннъ былъ родомъ непременно грекъ, точно такъ-же нельзя признать его и природнымъ готомъ; но по всей вѣроятности скорѣе можно усвоить ему греческое, чѣмъ готское происхождение“. *) Мѣстопребываніемъ Св. Іоанна Готѣйскаго, гдѣ была его кафедра,—это былъ пещерный городъ Мангунъ (такъ называемый теперь татарами Мангунъ-Кале) въ то время, среди поселеній готомъ, былъ главный ихъ укрѣпленный городъ, который нашъ исторіографъ Карамзинъ называетъ столицей готѣи. Св. Іоаннъ, какъ видимъ, родился и жилъ въ тяжкое время для Православія, когда весь Востокъ былъ объятъ ересью иконоборства, такъ что для рукоположенія въ санъ епископа его посылали въ Іверію, какъ объ этомъ и въ прологѣ говорится: „отъ своихъ людей посланъ былъ къ Іверійскому Архіепископу и отъ того постановленіе пріять“. Въ такую-то годину тяжкихъ искушеній Св. Іоаннъ украсился саномъ епископа. Тунманъ, одинъ изъ основательнѣйшихъ и лучшихъ писателей о Тавридѣ, какъ отзывается о немъ самъ Кеппенъ въ своемъ крымскомъ сборникѣ, свидѣтельствуетъ, что у готомъ въ 754-мъ году былъ свой епископъ,—это и былъ именно Св. Іоаннъ епископъ Готѣйскій. Въ VIII-мъ вѣкѣ весь полуостровъ Таврической на-

*) См. Херсон. Епарх. Вѣдомости, Інокентій, статья: Св. Іоаннъ епископъ Готѣйскій 1862 годъ, № 12-й, стр. 165, 166 и 167-я.

ходился подъ властію Хозаровъ и въ то время Св. Іоаннъ является Апостоломъ Тавриды, именно въ 756-мъ году, какъ можно опредѣлить, полагаясь вполнѣ на указаніе Тунмана, Хозары послѣ продолжительной осады взяли главный укрѣпленный пещерный городъ готѳовъ - Мангупъ, тогда, во время самой осады, Св. Іоаннъ проповѣдуетъ Евангеліе язычникамъ Хозарамъ и самыхъ враговъ осаждавшихъ городъ приводитъ въ послушаніе вѣры, такъ что самъ Ханъ или Каганъ, какъ называли тогда владѣтелей Хозарскихъ, убѣжденный проповѣдію Св. Іоанна, обращается въ христіанство и вмѣстѣ со всѣмъ многочисленнымъ народомъ Хозарскимъ здѣсь—въ Мангупъ-Кале принимаетъ крещеніе отъ руки Св. Іоанна. Это событіе имѣетъ отношеніе къ намъ, такъ какъ двѣсти лѣтъ спустя здѣсь подобнымъ образомъ поступилъ и нашъ равно-апостольный князь Св. Владиміръ; осаждая древній Херсонесъ, такъ-же приходитъ въ послушаніе вѣры, подобно хану Хазарскому принимаетъ здѣсь христіанство. Такъ поступилъ нашъ Св. Владиміръ, вѣроятно на основаніи преданія; онъ могъ слышать объ этомъ отъ христіанскихъ витязей Хазарскихъ, бывшихъ у него въ дружинѣ, среди многихъ христіанъ изъ самыхъ славянъ, увѣровавъ, онъ послѣдовалъ благому примѣру. Слѣдственно Св. Іоаннъ великій угодникъ Божій, уготовлялъ и намъ здѣсь свѣтильникъ вѣры, дабы Русь обратилась именно къ вѣрѣ Православной. Какъ ревностный поборникъ Православія, онъ является однимъ изъ первыхъ виновникомъ VII-го Вселенскаго собора, по этому-то случаю онъ и путешествуетъ въ Константинополь къ царицѣ Иринѣ для защиты правой вѣры: „шедъ въ Константиноградъ, какъ говорится въ прологѣ, много о правой вѣрѣ подвизася“ можетъ быть, это было не ранѣе 778-го года.

По возвращеніи своемъ изъ путешествія въ Константинополь въ енархію, онъ приготовилъ рядъ ясныхъ свидѣтельствъ изъ Св. Писанія и отцевъ церкви о почитаніи Св. иконъ и мощей, — о ходатайствѣ Святыхъ предъ Богомъ, для чтенія на VII-мъ Вселенскомъ соборѣ; но негодованіемъ и гоненіемъ отвѣчали Святому изъ Константинополя, когда онъ обращался къ Патріарху съ братскимъ словомъ вразумленія и увѣщанія. Во время самого отсутствія Св. Іоанна въ Константинополь Хозары были увлечены въ ересь иконоборства высланными еретиками изъ Константинополя, когда-же возвратился, то сей Святитель Божій, какъ исповѣдникъ Православія, подвергся гоненію и тяжкому заключенію, — это случилось въ 782 году, какъ можно предположить, такъ какъ въ жизнеописаніи хронологически неопредѣлено, а сказано въ прологѣ такъ: „Ятъ—бысть Кизическими властью еретичествовавшими“; но Св. Іоаннъ избѣжа отъ нихъ, удалился въ Мастріаду и здѣсь, послѣ четырехъ лѣтъ своего изгнанія почилъ угодникъ Божій отъ трудовъ своихъ Іюня 26-го дня. Отсюда-же, вѣроятно, по завѣщанію Св. тѣло Іоанна на кораблѣ епископомъ Амастрійскимъ *) Георгіемъ отправлено было въ Готѣю для успокоенія на родинѣ, и по прибытіи на мѣсто, положено въ монастырѣ Парѣенонѣ, именно здѣсь на горѣ Аю-дагъ. Такъ передаетъ объ этомъ и Преосвященный Иннокентій. **)

Во всѣхъ жизнеописаніяхъ и сказаніяхъ о Св. Іоаннѣ Епископѣ Готѣйскомъ мѣсто погребенія его указано въ Партенитѣ въ монастырѣ Парѣенонѣ (Παρθενών). Въ про-

*) Мастріада—нынѣшній Амассерахъ въ Турціи противъ Синопъ—Это древній Амастримъ (Amastrim)

**) См. Херсон. Епарх. Вѣдомости, 1862. № 12, стр. 165, 166 и 167-я.

тивоположность древнему языческому храму въ Аѳинахъ, здѣсь устроенъ былъ христіанскій храмъ, названный такъ же—*Παρθέλιον*, это монастырь, по преданію былъ на вершинѣ Аю-дагъ горы, можетъ быть, впослѣдствіи, и близь лежащее поселеніе Партенить (*Παρθέμιον*—*παρθενοδύς*—дѣвственный—чистый) получило свое названіе отъ этого древняго монастыря, судя по названію, такъ можно предположить, хотя нѣтъ на это достовѣрныхъ историческихъ указаній. А Готѣйская епархія на Таврическомъ полуостровѣ была, какъ извѣстно, самая древнѣйшая изъ всѣхъ епархій, — это видно изъ того, что представителемъ на 1-мъ Вселенскомъ соборѣ отъ всѣхъ церквей Киммерійскаго полуострова былъ именно епископъ Готѣйскій Теофилъ, именно то предпоследнее лицо, которое и подписало постановленія этого собора, какъ это извѣстно изъ единственнаго дошедшаго до насъ латинскаго списка.

Мѣсто, гдѣ собственно находился древній монастырь Парѳенонъ на вершинѣ горы Аю-дагъ, нѣтъ возможности указать въ настоящее время, даже нѣтъ тамъ такихъ развалинъ, по которымъ можно-бы было предположить существованіе такого монастыря, кромѣ слабыхъ слѣдовъ какихъ-то прежнихъ жилищъ среди укрѣпленій и больше рѣшительно ничего нельзя здѣсь видѣть; слѣдственно мѣсто погребенія Св. Іоанна Готѣйскаго на вершинѣ горы Аю-дагъ остается совершенно неизвѣстнымъ. Онъ погребенъ такъ высоко надъ всѣмъ живущимъ на горѣ, какъ древле Моисей, указывая путь на Востокъ, погруженный во тьму Магометанства. Сколько вѣковъ протекло,—вотъ другое тысячелѣтіе, какая толща земли скрываетъ его могилу! На вершину горы Аю-дагъ есть путь—это тропа со стороны Партенита, по которой можно легко взобраться не толь-

ко пѣшкомъ, но даже верхомъ — на лошади, тамъ можно видѣть развалины, — это слѣды древняго укрѣпленія, когда-то здѣсь бывшаго, стѣны котораго не менѣе 2-хъ аршинъ толщиной, а вышиной 1 сажень и на этихъ стѣнахъ росли толстыя деревья, какъ сказано было выше. Отсюда, съ вершины горы Аю-дагъ, какой чудный и поразительный открывается видъ на всю окрестность этой горы, однимъ взоромъ можно обнимать самыя отдаленныя вершины горъ, перечисляя всѣ окружныя мѣстности Аю-дага, какъ говорить Сементовскій въ своемъ путешествіи, — въ синевѣ видны горы и укрѣпленія и дачи владѣльцевъ, утопающія въ могучей растительности южнаго берега, а у подошвы горы — вѣчно бурливое и неспокойное море! По занятіи Россіею крымскаго полуострова первый, кто успѣлъ осмотрѣть и изслѣдовать древнія развалины на вершинѣ горы Аю-дагъ, — это былъ европейскій ученый, извѣстный профессоръ Кембриджскаго университета Кларке, онъ еще могъ видѣть въ то время на вершинѣ Аю-дага — два столба бѣлаго мрамора и два столба зеленого мрамора, послѣдніе два столба по приказанію князя Потемкина были отправлены въ г. Херсонъ для строившагося въ то время тамъ храма, какъ объ этомъ передаетъ Кеппенъ въ крымскомъ сборникѣ. *) Нашъ первенствующій писатель о Крымѣ Археологъ Палласъ видѣлъ только одинъ столбъ бѣлаго мрамора съ изображеніемъ креста; но Кеппенъ впрочемъ сомнѣвается, чтобы Археологъ Палласъ успѣлъ побывать на вершинѣ горы Аю-дагъ, а самъ-же Кеппенъ впоследствии видѣлъ только уже одно мѣсто, гдѣ лежалъ этотъ мраморный столбъ, какъ указывали ему тогда татары. Остались-ли тамъ въ настоящее время какія развалины мнѣ

*) См. Крымскій Сборникъ, Кеппенъ, стр. 172-я.

неизвѣстно; но уже въ мое время въ 1836-мъ г. служащія въ Артекѣ у Потемкина и чернорабочіе въ праздничное время обыкновенно взбирались прямо изъ Артека, почти по отвѣсной скалѣ, на вершину горы Аю-дагъ и оттуда скатывали камни, разоряя и послѣдніе остатки развалинъ, а горное эхо, какъ помню, многократно повторяло ужасный громъ отъ падающихъ камней.

Нѣтъ на южномъ берегу другой такой мѣстности, какъ окружная мѣстность горы Аю-дагъ, гдѣ-бы сохранилось столько мѣстъ съ христіанскими названіями, такъ напримѣръ по правую сторону горы находятся: Ай-Даниль, Мартыанъ, принадлежавшія Воронцову, въ верхней части урочища Мартыяна росъ строевой лѣсъ, Никита и Ай-Василь; по лѣвую сторону:—Партенить, Ламбать (древній *λαμπάδιον* свѣтильникъ) Макронарій, Вигла и Ай-Прокулъ.

Одна изъ самыхъ богатыхъ и замѣчательныхъ мѣстностей на южномъ берегу Крыма—это Урзуфъ, хорошо мнѣ извѣстный еще въ 1836 году. Урзуфъ—такъ назвали эту мѣстность Генуэзцы отъ *Urso*—*Ursus*—медвѣдь, смотря на лежащую въ близкомъ разстояніи медвѣдь гору. Очевидно это негреческое названіе; но разные описатели Крыма почему-то называютъ греческимъ, даже чуть-ли нерусскимъ—Горзабита—(гора разбита) и прежніе писатели, историки Крыма, выговаривали это названіе весьма различно, какъ можно видѣть у Кеппена въ крымскомъ сборникѣ, а болѣе правильно называетъ Кларке, такъ-же Палласъ *). Въ древнія времена здѣсь находилось греческое поселеніе,—это такъ-же, какъ и Партенить, примѣчательная прибрежная

*) См. Крым. Сборникъ Кеппенъ стр. 177-я.

мѣстность, удобная для стоянки судовъ; по преданію, въ VIII вѣкѣ здѣсь былъ даже приморскій торговый городъ. Татары въ мое время, какъ помню, всегда называли—Юрзуфъ—татарскую деревню, тутъ расположенную, можетъ быть, предки этихъ татаръ были генуэзцы или греки, потомъ обращенные въ магометанство, дѣйствительно здѣшніе татары не имѣютъ монгольскаго типа, какъ и вообще всѣ южно-бережскіе татары. Древнее поселеніе грековъ основано было, можетъ быть, еще при первой колонизаціи Эллинами Киммерійскаго полуострова; въ VI-же вѣкѣ это поселеніе было защищено укрѣпленіемъ, устроеннымъ Императоромъ Юстиніаномъ 1-мъ (царствовавшимъ съ 527—565 годъ) Генуэзцы, захвативъ эту мѣстность, разорили древнее укрѣпленіе грековъ и на прибрежной скалѣ устроили свою крѣпость—батарею съ амбразурами, какъ можно еще и теперь видѣть развалины этого укрѣпленія съ стѣнами въ одну сажень шириной. Подробно развалины этого генуэзскаго укрѣпленія, собственно приморскую мѣстность, описываетъ Археологъ Палласъ, — описаніе это помѣщено въ крымскомъ сборникѣ у Кешпена *). Мѣстоположеніе Урзуфа самое живописное. Это прекрасное имѣніе принадлежитъ къ числу самыхъ обширныхъ и самыхъ богатыхъ на южномъ берегу Крыма, оно расположено амфитеатромъ на холмѣ, первоначально когда то принадлежало Герцогу Дюку де Ришелье. Еще въ мое время Урзуфъ славился уже замѣчательными насажденіями рѣдкихъ растений, какъ-то Кипарисовъ, платановъ и проч. чего небыло въ Артекѣ; но къ Урзуфу въ то время трудно было добраться, дорогъ настоящихъ на южномъ берегу еще небыло, только проводилась большая дорога и была доведена въ 1836-мъ г. до Буюкъ-

*) См. Крымскій Сборникъ, Кешпена, стр. 175-я.

Ламбота; изъ Артека въ Урзуфъ вела небольшая прибрежная дорожка; даже въ 1837-мъ г. самъ Императоръ вмѣстѣ съ наслѣдникомъ верхомъ отправлялся въ Ялту, а Императрица съ дочерью — въ небольшомъ кабриолетѣ, запряженномъ маленькими вятскими лошадами, какъ я видѣлъ и помню хорошо, именно тогда изъ Артека по этой небольшой дорогѣ. Вѣроятно, были и другія дорожки и тропы въ татарскую деревню Урзуфъ по нагорной сторонѣ, по которымъ могли разѣзжать только татары на горныхъ своихъ лошадяхъ.

Особенностию Урзуфа, привлекавшею въ то время вниманіе обитателей Артека, — была именно громадная скала, на которой находилось укрѣпленіе; это — небольшая крѣпость, устроенная генуэзцами, на этой горѣ росъ тогда небольшой кустарникъ; но скала обращала вниманіе не древними укрѣпленіями, а особеннымъ своимъ причудливымъ видомъ, и только — съ одного извѣстнаго пункта, — это по прибрежной дорогѣ изъ Артека, когда приближаешься къ Урзуфу, вся эта громадная скала представляетъ видъ человѣческой головы, вполне съ правильными очертаніями всего лица, конечно въ профиль, голова лицомъ обращена на сѣверъ къ горамъ. Бывало сколько ни присматриваешься, все тѣмъ болѣе находишь поразительное сходство, особенно подъ вечеръ, когда контуры становятся болѣе рѣзкими. Но ни въ какихъ описаніяхъ Крыма объ этомъ замѣчательномъ видѣ этой скалы не упоминается, можетъ быть, потому не обратило вниманія, что не знали того пункта, съ котораго только можно видѣть такой причудливый видъ этой скалы. Предполагаютъ, что эта скала когда то была отторгнута отъ главнаго хребта Таврическихъ горъ еще въ первобытныя и незапамятныя времена

отъ вулканическихъ дѣйствій, или въ послѣдствіи отъ землетрясеній, здѣсь происходившихъ. По сказанію древняго историка Фукидида самый полуостровъ сравнительно недавняго происхожденія, по его словамъ, Киммерійскій полуостровъ вулканическими дѣйствіями вышелъ изъ воды спустя 2000 лѣтъ послѣ всемірнаго потопа. Генуэзцы, какъ итальянцы, назвали эту мѣстность, отъ *Urso*—медвѣдь, —Урзуфомъ, а греческаго прежняго давняго названія этого древняго поселенія не сохранилось,—такъ какъ оставшіеся здѣсь потомки древнихъ Эллиновъ въ послѣдствіи подъ игомъ монголовъ потеряли не только вѣру, но и самую національность—рѣчь Златоустовъ, за которую имъ рѣзали языкъ; но все таки ближайшія названія родныхъ своихъ мѣстъ греческихъ поселеній предковъ христіанъ по сіе время сохранили, чего конечно не постарались-бы сдѣлать природные Монголо-татары. Въ тѣ времена первоначальнаго моего жительства на южномъ берегу Крыма рѣдко можно было встрѣтить пріѣзжаго, а татары, особенно дѣти и женщины, если видѣли пріѣзжаго русскаго, то въ страхъ бѣжали, прятались и кричали: хозахъ, хозахъ! (козакъ). Въ настоящее-же время какъ много бываетъ путешественниковъ на южномъ берегу Крыма, которыхъ привлекаютъ сюда прекрасные виды замѣчательныхъ мѣстъ, восхитительная горная природа, разнообразная и богатая растительность, чистый цѣлительный приморскій воздухъ, при этомъ постоянная перемѣна мѣстностей такихъ поразительныхъ, такихъ прелестныхъ, а такое путешествіе дѣйствительно весьма полезно, даже необходимо, оно такъ оживляетъ человѣка своею свѣжестью, будитъ и привлекаетъ вниманіе каждаго.

Въ отношеніи древней церкви Таврическаго полуострова,—должна быть священна для насъ память о такихъ ве-

лигихъ подвижникахъ вѣры Христовой, какъ Св. Іоаннъ епископъ Готѣйскій, о дѣяніяхъ котораго по возможности изложили въ настоящей статьѣ,—это былъ Апостоль древней Тавриды, обратившій многочисленный языческій народъ Хазаровъ въ христіанство, твердый исповѣдникъ вѣры, и какъ поборникъ Православія, онъ былъ виновникомъ VІІ-го Вселенскаго собора, вмѣстѣ съ другимъ такимъ-же подвижникомъ вѣры Св. Стефаномъ Архіепископомъ Сурожскимъ; оба они подвизались почти въ одно и то же время,—оба были стражами дома Божія, какъ два Ангела двухъ древнихъ каедръ Тавриды на двухъ противоположныхъ концахъ полуострова, охраившихъ чистоту Божественнаго ученія,—въ той именно странѣ, гдѣ впоследствии долженствовалъ быть зажженнымъ свѣтильникъ нашей вѣры для всей земли русской. Дѣйствительно мѣста эти, теперь принадлежащія намъ, памятны для насъ по драгоценнымъ воспоминаніямъ дорогаго нашего отечества;—здѣсь была нѣкогда колыбель нашего христіанства, гдѣ былъ зажженъ свѣтильникъ нашей вѣры, а гораздо ранѣе, даже свѣтильникъ нашего просвѣщенія *) и теперь еще можно видѣть здѣсь купель, въ которой нѣкогда крестился просвѣтитель нашъ равноапостольный князь Св. Владиміръ.

Священникъ Александръ *Накропинъ*.

*) См. Таврич. Епарх. Вѣдомости, статья: Херсонесъ, 1880-й годъ, № 16-й, стр. 772-я.

Въ хозяйственномъ при святѣйшемъ синодѣ управленіи, съ разрѣшенія г. синодальнаго оберъ-прокурора, принимаются пожертвованія на сооруженіе храма, устройство въ немъ иконостаса и другія настоятельныя нужды возобновляемаго нынѣ, по благословенію святѣйшаго синода, древняго монастыря, основаннаго въ XVI вѣкѣ преподобнымъ Трифономъ Печенгскимъ, на сѣверной окраинѣ Россіи, у береговъ Ледовитаго океана, но вскорѣ послѣ блаженной кончины разграбленнаго и сожженнаго шайкою порвежскихъ разбойниковъ, звѣрски умертвившихъ тогда-же всѣхъ иноковъ обители.

Желающіе могутъ направлять свои пожертвованія и помимо хозяйственнаго управленія, адресуя письма и посылки въ г. Колу, архангельской губерніи, для передачи настоятелю Трифоно-Печенгскаго монастыря, какъ о томъ было уже напечатано въ № 5 „Прибавленій къ Церковнымъ Вѣдомостямъ“ за текущей годъ.

Нужды новоустройства Тривоно-Печенгскаго монастыря велики и разнообразны, а наличныя средства малы и скудны. Но смиренныя иноки не падаютъ духомъ, ободряя себя твердою надеждою, что на святой Руси, крѣпкой вѣрою, благочестіемъ, любовью къ храмамъ Божиимъ и святымъ обителямъ и ревностію о ихъ благоустроеніи и благоуукрашеніи, найдутся радѣтели о пустынной и бѣдной, на дальнемъ сѣверѣ, обители преподобнаго Трифона и потщатся оказать ей посильную помощь во имя Христа Спаса нашего и Его угодника преподобнаго Трифона, святыя мощи котораго, прославленныя нетлѣніемъ и чудесами, и доселѣ тамъ почиваютъ во благоуханіи святыни.

ВЫШЕЛЪ И РАЗОСЛАНЪ ПОДПИСЧИКАМЪ

66-й выпускъ

(Меркантилизмъ-Миллеръ).

НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ.

изд. бывш. т-ва А. Гарбэль и К^о, въ Москвѣ.

(бол. Никитская, Долгоруковский пер. д № 8).

Въ текстѣ помѣщены: 8 рисунковъ и 7 портретовъ (М. Меркаторъ, М. Мессонье, К. Меттернихъ, И. И. Мечниковъ, Микель-Анжело, Н. Н. Миклухо-Маглай, О. Э. Миллеръ).

Цѣна тому (14 вып.) въ переплетѣ: на обыкновен. бумагѣ—4 руб. 50 коп., на лучш. бум.—6 руб.; цѣна выпуску: 30 коп. на обыкновенной бумагѣ, 40 коп. на лучшей бумагѣ.

Лица, подписавшіяся до 1 августа 1893 г., пользуются бесплатной пересылкою. По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена.

Все изданіе составитъ 105—115 выпусковъ (8 томовъ) и будетъ закончено въ текущемъ 1893 году.

Подробные проспекты съ отзывами печати, для ознакомленія съ изданіемъ, высылаются по требованію бесплатно.

Допускается разсрочка для гг. служащихъ и частныхъ лицъ съ ежемѣсячнымъ платежемъ въ 1 р. 50 к. для экзempl. на обыкн. бум. и въ 2 р. для экзempl. на лучшей бум. на условіяхъ, указанныхъ въ проспектахъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣль офіціальный: I. Выписки изъ журнала Тавр. попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. II. О приѣмѣ воспитанниковъ въ Кіевскую Духовную Академію въ 1893 г. III. Поправка къ списку членовъ эмеритальной кассы.

Отдѣль неофіціальный. 1) Кончина Праведника А. 2) О возможности для сельскаго духовенства занятія медициной. 3) Аю-Дагъ и близъ лежащія мѣстности: Артекъ, Цартепнѣтъ и Урзуфъ. св. А. Накропина. 4) Объявленія.

Дозволено Цензурою. Симферополь, 15-го Мая 1893
года. Цензоръ Священникъ *Іоаннъ Тяжеловъ.*

Редакторы: Ректоръ Семинаріи, Протоіерей *І. Знаменскій.*

Секретарь Консисторіи *А. Гроздовъ.*